

Военные
Приключения

ТАЙНОЕ ОРУЖИЕ ФЮРЕРА

АЛЕКСАНДР ЗЕЛЕНСКИЙ

Александр Зеленский

Ожерелье из крокодильных зубов

«ВЕЧЕ»

Зеленский А. Г.

Ожерелье из крокодильих зубов / А. Г. Зеленский — «ВЕЧЕ»,

Люди сами выбирают свои судьбы, хотя зачастую и не знают, к чему их выбор приведет. Военврачу Стрешневу и в страшном сне не могло присниться, что жизнь столкнет его с пловцами-диверсантами из армии ЮАР...

© Зеленский А. Г.

© ВЕЧЕ

Александр Зеленский

Ожерелье из крокодильих зубов

...Сквозь воду зеленоватого цвета, насквозь просвеченную жарким кубинским солнцем, хорошо просматривалось песчаное дно, а на нем – безжизненное человеческое тело, напоминающее сейчас аморфную медузу, отдавшуюся на волю подводного течения.

– Игорек!.. – услышал Аркадий Стрешнев собственный голос, и спазм перехватил горло, а слезы навернулись на глазах. – Поднимайся на поверхность! Скорее! Твое время на исходе!..

Ответа не последовало. Только изумрудная зелень воды вокруг лодки приобретала все более насыщенный темный цвет, цвет крови.

Он не помнил, как спрыгнул в воду, забыв даже про маску и дыхательную трубку, как нырнул до самого дна и, схватив тело друга за плечи, потащил его на поверхность. Снова оказавшись в лодке, кое-как сумел перевалить через борт мертвое тело и только тогда разглядел то, что отнял у моря: акваланг, подводное ружье, кукан с двумя барракудами и тело Игоря, которое было... без головы!

Аркадий снова бросился в воду, хотел достать пропажу со дна, но сделать это ему помешала стая хищных рыб, затеявших хоровод смерти вокруг человеческой головы, и уже приближающиеся акулы, чьи плавники рассекали поверхность Карибского моря, как перископы подводных лодок.

Уже на берегу, осмотрев тело погибшего внимательнее, Аркадий обнаружил то, что не заметил при первом осмотре – это было самодельное ожерелье из зубов какой-то водяной твари, то ли акулы, то ли крокодила, зажатое в пальцах Игоря...

Этот кошмарный сон капитану медицинской службы Стрешневу снился довольно часто, хотя со времени трагической гибели лейтенанта медицинской службы Игоря Потемкина минуло уже целых шесть лет. Станным было то, что военному врачу Стрешневу, повидавшему немало смертей, постоянно снилась именно эта смерть, потрясая его своей неожиданностью, непредвиденностью, непредсказуемостью. Впрочем, смерть всегда неожиданна, особенно когда погибает близкий тебе человек, с которым делил комнату еще в курсантском общежитии Военно-медицинской академии. Потом они оба получили направление в один и тот же госпиталь на Острове свободы, чтобы, как значилось в сопроводительных документах, «оказывать помощь кубинским властям в деле налаживания медицинского обслуживания местного населения и в первую очередь бойцов Народно-освободительной армии Кубы».

Теперь же на календаре был конец июля 1987 года, и офицер Стрешнев служил в другом месте, куда попал совершенно неожиданно для себя, – в Анголе. Именно там размещался полевой передвижной госпиталь с кубинским медперсоналом, переброшенный в Африку из-под города Сьенфуэгос, что не так уж и далеко от знаменитого Плайя-Хирон на Острове свободы. А неожиданным для Аркадия это событие стало потому, что он давно уже должен был вернуться на Родину. Однако замены ему – опытному хирургу – по какой-то причине до сих пор так и не прислали, хотя он уже «оттрубил» на Кубе два срока, между которыми, правда, был годичный перерыв, когда Стрешнев служил на космодроме Байконур.

Взглянув на часы, Аркадий понял, что опоздал на утренний обход и теперь получит втык по полной программе от сурового начальника госпиталя полковника Хуана Ринареса, участвовавшего в отражении атак контрреволюционеров еще на Плайя-Хирон и лично водившего дружбу с команданте Фиделем Кастро и незабвенным Эрнесто Че Геварой. И хотя в быту это был душа-человек, добрый толстяк, любитель выпить, закусить, и не пропускавший ни одного званого вечера, в делах службы он не давал спуска никому. Главным теперь для Стрешнева было успеть на планерку, чтобы не разозлить начальство окончательно.

Планерку на этот раз, к вящему удивлению капитана медицинской службы, да и всего медперсонала госпиталя, проводил не полковник Родригес, а подполковник Санчес, которого Аркадий знал как советского подполковника Федора Аверьяновича Романтеева – военного советника правительственных сил Анголы по вопросам разведки и контрразведки.

– Должен сообщить вам о том, что ваш полевой мобильный госпиталь должен быть немедленно передислоцирован в другое место, – Санчес-Романтеев говорил по-русски отрывисто, хрипловатым голосом на всю оставшуюся жизнь простуженного человека. При этом он зачем-то и дело тыкал пальцем в сторону переводчика, темнокожего гиганта в пятнистой форме, сидевшего рядом с ним. – Готовится большое наступление правительственных сил против УНИТА и их пособников из ЮАР. Ни для кого из вас не секрет то, что вооруженная оппозиция нынешнему правительству Анголы, пригласившему нас для оказания помощи его вооруженным силам, готовит нанесение сокрушительного удара по Мавинге. Для этого ваш госпиталь должен оказаться ближе к месту предстоящих сражений. Точное место будет указано вашему руководству дополнительно.

Дождавшись окончания перевода своей речи, Санчес-Романтеев откашлялся и совсем уже было собрался уйти, но задержался, решив закончить выступление каким-нибудь умопомрачительным фактом из текущих событий. Для этого он достал записную книжку в малиновой обложке, открыл ее и медленно прочитал:

– «Сложившуюся ситуацию в южных районах Анголы командование армии ЮАР расценивает как чрезвычайно опасную для дружественного УНИТА и его лидера Жонаса Савимби. Поэтому южноафриканцы приняли решение об усилении своей группировки на территории Анголы, состоящей из батальона “Буффало” и разведывательно-диверсионных отрядов Recses. Кроме того чтобы воспрепятствовать передвижению ангольских бригад к Мавинге, они начали спешную переброску в район боевых действий дальноточной артиллерии, а именно стапятидесятипятимиллиметровых гаубиц G-5. По утверждению южноафриканского руководства, эти пушки вызвали восторг у личного состава УНИТА тем, что у них очень длинные стволы. К тому же дальность полета их снарядов достигает сорока километров». Переведите это для всех!.. Спасибо! А сейчас попрошу начальника госпиталя, его заместителей и начальников отделений пройти в соседнее помещение. Все остальные могут приступить к исполнению своих обязанностей.

«Ну вот, – подумалось Аркадию, – не успели обжить одно место, как надо сниматься и перебазироваться на другое. И ведь наверняка не на курорт, как это было на чудесном острове Куба, где что ни место, то пляж, пальмы, здоровый климат. Африка – это место не для белых людей!»

Уже через полчаса капитана медицинской службы Стрешнева – рослого блондина тридцати лет от роду с явно проявившимися лобными залысинами – разыскал все тот же вездесущий подполковник Романтеев, привыкший обращаться ко всем, кто был ниже его в воинском звании, на «ты». Он сообщил буквально следующее:

– Вот что, дружище, мы должны поменять твою легенду. Ты сейчас у нас есть кто?

– Да все тот же капитан Стрешнев! – несколько раздраженно ответил Аркадий, возмущенный, что ему мешают собирать вещи к отъезду.

– Э, нет, дружище! – погрозил пальцем контрразведчик. – Это ты в Москве – Стрешнев. А в городе Куиту-Куанавале, который, между прочим, основан еще португальцами, ты у нас будешь Мигелем Родригесом. Что и подтверждает твое новое удостоверение. Взгляни! – Сказав это, Романтеев сунул в руки военного врача красную книжку в потрепанном переплете. – Владей! И помни, что мы здесь на особом положении. Не забывай о бдительности!

– Слушаюсь, товарищ подполковник! – только и ответил на это Аркадий.

И все же вовремя свернуть полевой лагерь и отправиться к месту слияния двух рек – Куиту и Куанавале – военным медикам помешало неожиданное нападение на них десанта противника.

Бой продолжался каких-то двадцать минут, но в ходе его хирургу Родригесу-Стрешневу пришлось сменить скальпель на автомат, который он подобрал у убитого ангольца из взвода охраны. Привыкший больше спасать жизни, чем отнимать их, Аркадий вынужден был открыть огонь на поражение по двум вражеским десантникам, которые с особой дерзостью атаковали палатку хирургического отделения. И сделал он это без всякого сожаления и сомнений, поскольку перед этим прямо на его глазах была убита операционная сестра Хуанита Камехо, с которой он давно и нежно дружил. Обоих десантников он срезал одной автоматной очередью на полмагазина. С остальными нападавшими разобрались солдаты из пехотной бригады, развернувшейся в боевые цепи прямо с марша и надежно зачистившей всю местность вокруг бывшего госпитального городка. Они же помогли погрузить все медицинское хозяйство и снаряжение на специальные машины, дав для сопровождения автоколонны военных медиков несколько своих БТРов.

* * *

Майор Джим Коллиган, недавно назначенный заместителем командира полка южноафриканских коммандос, привык начинать новый день с купания голышом в бассейне. Но на новом месте службы бассейна для старших офицеров, к сожалению, не предусмотрели. Это «несчастье» выбило майора из привычной колеи на целую неделю. Он даже не сумел как следует «прочистить мозги» и «накрутить хвоста» своему предшественнику на должности начальника продовольственного обеспечения перед тем, как принять у него дела. Однако к понедельнику следующей недели он нашел выход, решив соорудить для себя этакий «лягушатник», огородив металлическими и рыболовным сетями небольшое пространство воды в речушке, протекавшей по территории знаменитого на весь мир Национального парка имени Крюгера, где в данный момент временно дислоцировался их полк.

Еще через два дня «бассейн» был готов к эксплуатации. Соорудили его подчиненные майора из взвода хозяйственной obsługi и, надо сказать, потрудились они на совесть, очистив дно реки от всякого хлама и тщательно огородив его сетями на тот случай, если вдруг их начальником захочет полакомиться какая-нибудь зубастая речная тварь.

Проведя два незабываемых утра в собственном «бассейне», Коллиган, как практичный человек, пришел к выводу, что в дальнейшем сможет использовать его для «организации деловых контактов», приглашая «больших людей в погонах и без оных» на пикники. «Зачем же простаивать таким богатым парковым угольям без личной пользы для меня?» – так думал Коллиган. При этом он увлеченно плескался в своем бассейне и даже не замечал, что какие-то засранцы в полном снаряжении боевых пловцов подкрадываются к его голой заднице.

Это был сущий кошмар! Не помогли даже металлические сети! Они оказались продырявленными сразу в четырех местах, и как минимум две пары боевых пловцов, ухватив перепуганного майора за все четыре конечности, утянули его на дно, как это умеют делать только крокодилы. Майор Коллинз поначалу и погрешил на этих ископаемых тварей, выживших во времена оны, доживших до наших дней, а, возможно, в скором будущем и переживущих чересчур расплодившееся ныне людское племя. Не мог же он представить себе, что идет самая обычная тренировка у группы боевых пловцов из команды лейтенанта Скотта, которого все в лагере коммандос называли не иначе как Американец.

Сам долговязый Джеймс Скотт, у которого левая сторона лица время от времени подергивалась из-за нервного тика, находился в этот момент на наблюдательной вышке вместе со своим заместителем сержантом Биллом Хантором, носившем прозвище Бык из-за большой

головы, «привинченной» прямо к плечам даже без намека хоть на какую-то шею. Оба внимательно наблюдали за действиями своих бойцов с помощью небольших биноклей.

– Кто это там посмел забраться в «садок» нашего интенданта? – поинтересовался Американец, заметив Коллигана, отбивавшегося от подводников и вопившего так, как будто его резали на части.

– Это Шрам, Крыса и Бушмен с Французом, – ответил Бык. – Вот черти водяные! Не видать им капральских лычек как своих ушей...

– Кроме Крысы, который уже два года как стал капралом, – уточнил Американец. – Посмотрим, что они еще придумают. Хороший трюк с переворачиванием и подныриванием. Особенно хорош Крыса, ничего не скажешь! Буду ходатайствовать о присвоении ему очередного звания. А руководству, в случае чего, объясним, что устроили новому интенданту наше стандартное «посвящение в морские дьяволы»...

В тот же день Коллиган доложил полковнику Гриффину о «хулиганах из речки», потребовав самым тщательным образом провести дознание об этом инциденте и достойно наказать виновных, как он сам выразился, «вплоть до экзекуции». На что получил следующий ответ: «Должен вам сказать, что в состав “морских дьяволов” мы вместе с Яном Брейтенбахом отбирали лучших. Вы знаете Яна Брейтенбаха? Нет? Это один из отцов-основателей нашего спецназа. Неужели вы думаете, что я и Брейтенбах полные идиоты? Мы отказывали в приеме даже квалифицированным водолазам-спасателям. На кой хрен нужны спасатели в подразделениях “дьяволов”? Брейтенбах прямо сказал, что лучше из опытного сухопутного командос сделать надежного боевого пловца-убийцу, чем выдающегося пловца-спасателя превратить в посредственного морского диверсанта. Так вот!.. О чем это я? Да! Позже я разберусь со Скоттом и его парнями, но не сейчас, поскольку нас срочно вызывает на совещание генерал Либенберг. Вы, майор, знакомы с генералом Либенбергом? Нет? Вот сегодня и познакомитесь...»

Генерал Либенберг считался одним из самых высокопоставленных руководителей в военном министерстве Южно-Африканской Республики, и его слово для «простого полковника», как называл себя командир 4-го полка командос Фред Гриффин, было законом. Поэтому он очень внимательно слушал речь седого генерала, беспрестанно мотавшего сверху вниз головой, словно строевой конь, готовый к походу, и чуть ли не заглядывая ему в рот. Больше того, Фред даже пытался записывать за ним отдельные умные слова и фразы, чтобы повторить их потом подчиненным, выдав за свои.

– Мост! Этот чертов мост! – с этого начал генерал Либенберг свое выступление на военном совете. – Он имеет стратегическое значение. Вы поняли, о каком мосте я говорю? Том самом, через который эти негодяи из ФАПЛА и их подпевалы из кубинского контингента переправляют свою тяжелую технику и личный состав на юг Анголы. Это мост через реку Куиту, черт бы ее подрал! Сама эта река, местами достигающая ста метров в ширину, ничего особенного из себя не представляет, но... – генерал поднял вверх указательный палец, – ...у нее быстрое течение и заболоченная пойма, которая может достигать ширины трех-четырёх километров. Ангольцы называют эту пойму, поросшую разнообразной растительностью, «шана». Именно из-за «шаны» переправить танки, БТРы и другую военную технику, даже способную плавать, нереально. Потому-то и важен этот чертов мост! Если мы его сможем уничтожить, то правительственные войска Анголы окажутся в полном дерьме. Я подчеркиваю: в дерьме!

Полковник Гриффин также подчеркнул это слово в своем блокноте, отметив для себя при этом: «генерал Либенберг – выдающийся стратег и военный мыслитель».

– Я поставил задачу уничтожить этот чертов мост с помощью авиации, – продолжал Либенберг. – В результате нашими самолетами «Мираж» и «Буканир», взлетающими с военных аэродромов в Намибии, было совершено более семисот боевых вылетов и нанесено сто семьдесят шесть ударов по наземным объектам противника. При этом было сброшено более

трех тысяч бомб. Подчеркиваю: трех тысяч! И что же мы имеем на выходе? Почти ничего. Чертов мост стоит, как стоял еще со времен крестоносцев...

«Крестоносцы, – пометил в блокноте полковник Гриффин, приписав для себя: Кто такие? Посмотреть справочник командос».

– Будем откровенны, наша авиация оказалась не на высоте. Она понесла серьезные потери. Упрек не только в сторону командующего авиацией, чьи «воробышки» не смогли справиться со средствами анголо-кубинских ПВО, охраняющих небо над чертовым мостом. И это можно объяснить только тем, что наши воздушные атаки в основном отбивались новейшими советскими ракетно-зенитными комплексами «Куб», «Оса-АК», «Стрела-10» и мощной зенитной артиллерией типа ЗСУ «Шилка», и ЗУ 23—2. Убежден, что управляли ими не эти черномазые задохлики из ФАПЛА и даже не кубинские коммунисты! Нет, джентльмены, управляли ими советские расчеты, советские военные советники, советские коммунисты, красные, большевики... или как там еще они себя называют?..

«Красные большевики», – черкнул Гриффин, добавив: «Какой богатый арсенал слов и ругательских выражений использует генерал! Bravo, Либенберг!»

– Тогда я поставил новую задачу нашему контингенту войск: использовать для подрыва моста наши разведывательно-диверсионные группы из состава Первого полка командос, которые хорошо помогают нашим друзьям из УНИТА. Я потребовал всесторонне изучить возможность уничтожения моста с помощью наших командос. И что же? Аналитики констатировали, что мост слишком хорошо охраняется днем и ночью, а потому командос могут понести большие потери. Достаточно, что мы уже потеряли три эскадрильи боевых «Миражей» и «Буканиров». Баста! А теперь добавлю: «К черту авиацию и сухопутный спецназ! К дьяволу в пекло!» Мы должны использовать опытных боевых пловцов из Четвертого полка командос, которые специализируются на морских диверсиях. Только на этот раз они должны показать всю свою боевую выучку в условиях пресноводных. Поняли мою мысль? Я к вам обращаюсь, полковник Гриффин! Вы меня поняли? Вам, как командиру Четвертого полка, и карты в зубы.

– Так точно! Слушаюсь! – вскочил с места командир полка. – Господин генерал, мне все ясно. Разрешите уточнить. «Пресноводные условия». Что это значит?

– Хороший вопрос, полковник! Вы напомнили мне поговорку: «Смотри под ноги, даже если головой до неба дорос». Это значит, что ваши подчиненные, полковник, будут воевать не только с акулами, а еще и с крокодилами! О'кей?

– Да, теперь все предельно ясно! – ответил полковник Гриффин и на всякий случай приложил руку ко лбу, отдавая честь.

Тем временем Американец и его боевой заместитель Бык, воспользовавшись отсутствием командира полка, отпустили своих подчиненных в увольнение, а сами решили расслабиться в одном из баров городка Вустер, который носил близкое им по духу название «Пристанище солдат фортуны». Как известно, за стаканчиком виски у стойки бара языки обычно развязываются быстро, вот и в этот вечер молчаливого Американца потянуло пооткровенничать с Быком.

– Забыть не могу одну «работенку» на Кубе, которую пришлось повернуть несколько лет назад, – проговорил он, отбирая всю бутылку «Белой лошади» у бармена и наполняя стаканы до краев. – Странная вышла история. В одном баре я схлестнулся с каким-то сумасшедшим кубинцем, вздумавшим отбить у меня проститутку. Ты представляешь? Кубинец, мать его, полез в драку из-за шалавы!.. Не понимаю этих коммунистов! Короче, он отоварил меня бутылкой по черепу. Я даже не успел сориентироваться! Бабах, и я уже на карачках, под миниюбкой у своей дамы... Но я запомнил этого кубинца! Белый! Был бы черный, я бы его сразу убил. А этот, хоть и брюнет, но такая задница! Меня – бутылкой по голове!.. И главное, неожиданно! Что мне оставалось? Я проследил за этим брюнетом, разузнал о нем все, что смог. А потом... Оказалось, мой обидчик – страстный подводный охотник. Он на следующее утро даже двух барракуд подстрелил. Это было тогда, когда я его выслеживал под водой. Ну, ты зна-

ешь, море – моя стихия. Тут уж у парня не было ни одного шанса. Я незаметно подплыл к нему и своим боевым тесаком, который больше походит на мачете для рубки сахарного тростника, отрезал мерзавцу голову. Все!.. Да и вообще, сержант, я убил слишком много людей...

– По ночам «кровавые мальчики в глазах» не мельтешат? – ухмыльнулся Бык, но Американец его не слышал, вспоминая о драгоценном для него талисмани – ожерелье из крокодильих зубов, утраченном в тот же день.

Это ожерелье давным-давно смастерил для Джеймса отчим, который являлся первейшим охотником за крокодилами во всей Капской провинции ЮАР. Тогда же отчим сказал, что это ожерелье принесет пасынку успех во всех делах и потому беречь его надо как зеницу ока. И точно, пока с ним было это ожерелье, Джеймсу все удавалось в жизни. Он стал военным, заслужил офицерский чин, вошел в элиту подводного спецназа. Одно время его имя даже не сходило с газетных полос, где его называли не иначе, как «Джеймс Бонд из Претории». Кончилась вся эта шумиха как-то сразу, когда он не смог ликвидировать Фиделя Кастро... И все из-за того брюнета, который помешал ему, отвлек внимание от выполнения важного задания ЦРУ, руководители которого собирались «принять в штат» нового сотрудника по имени Джеймс Скотт. Если бы он убил Кастро! Но не убил... Зато прикончил того брюнета. И потерял свой драгоценный талисман. С той самой поездки на Кубу все в его жизни пошло наперекосяк. Агентом ЦРУ Джеймс так и не стал. Пришлось довольствоваться участью «первого парня на деревне», точнее, в Претории. Да и газеты о нем упоминать перестали... Он мог бы уже быть майором! Мог бы, но все еще оставался лейтенантом. Чертов кубинец, чертов Фидель! Пошли они все в задницу!

От размышлений о прошлом отвлек громкий голос сержанта:

– Лейтенант, прикрой меня!

Оглядевшись, Американец быстро оценил обстановку. Дело было в том, что трое командос из его группы, а именно Винчестер, Кольт и Стиллет, выясняли отношения с пятью посетителями бара с внешностью типичных головорезов, и дело уже дошло до поножовщины. Американец давать своих в обиду не привык и потому сразу бросился на помощь Быку, который уже вмешался в драку и теперь «валял по полу» узкоглазого здоровяка, используя запрещенные приемы рукопашного боя. Но узкоглазый сумел вывернуться и с помощью какого-то хитрого азиатского приемчика отправил сержанта в нокдаун. Зато против смертельного «вильямса» – приема из рукопашной борьбы, изобретенной еще бурами, который применил Американец, узкоглазый не устоял, как мячик отлетев от Быка и с грохотом врезавшись в барную стойку. К тому времени с остальной четверкой противников трое командос смогли управиться самостоятельно.

Когда все «морские дьяволы» покинули негостеприимный бар, предварительно разнеся его вдребезги, лейтенант, воспользовавшись случаем, решил поучить подчиненных умразуму. Выстроив их на каком-то пустыре, поросшем чертополохом, он врезал по морде и Винчестеру, и Кольту, и Стиллету – каждому по очереди. И только для Быка, как сержанта, сделал исключение, поскольку Бык и так еле держался на ногах после нокдауна от узкоглазого. Но, несмотря на это, Бык нашел в себе силы и разумение, чтобы предупредить командира: «Ты рискуешь, Американец! Наши придурки пойдут на все, чтобы отомстить за нанесенную обиду. Могут, при случае, и нож всадить в спину...» На что Американец привычно ответил следующим вопросом: «А кому сейчас легко, сержант?»

В эту ночь никому из группы боевых пловцов лейтенанта Скотта выспаться так и не удалось. Вернувшийся из главного штаба полковник Гриффин объявил срочный сбор на базе.

* * *

Хуаниту убили. И это стало невосполнимой потерей для Стрешнева. Вообще-то Аркадий, знавший свои слабые стороны, считал себя человеком слишком уж чувствительным, способным переживать потери близких людей глубоко и эмоционально, что доказало его состояние после трагической гибели Игоря Потемкина. Тогда он даже вынужден был обратиться за помощью к опытному психиатру, возглавлявшему специализированное отделение в госпитале, в котором старший лейтенант медслужбы Стрешнев прослужил следующий год, находясь уже на территории СССР. Но потом его снова позвала Куба – видимо, у военно-медицинского руководства Острова свободы сложилось высокое мнение о профессиональных способностях именно этого военного врача, и потому на него был сделан официальный запрос в Главное военно-медицинское управление Министерства обороны СССР.

Погиб Игорь, убита Хуанита... Череда потерь раскручивалась, убыстряя восприятие и без того быстротекущей жизни военного медика. Что же ожидало его в дальнейшем? Новые потери? А может быть, и собственная безвременная кончина во цвете лет? Почему они с Игорем, находясь еще в академии, никогда не задумывались о собственной бренности, о возможности умереть? Даже занятия в «анатомическом театре», как назывался морг, не вызывали у них опасений за самих себя. Да, могли умереть другие, незнакомые, чужие люди. Они и умирали – сплошь и рядом. Но сами курсанты чувствовали себя бессмертными. Почему так? Просто они были молоды и глупы... Так думал сейчас тридцатилетний капитан медицинской службы, трясаясь по пыльным проселкам, проходившим по африканской саванне, по которой медленно ползла колонна машин, принадлежавшая кубинскому военному госпиталю.

Хуанита Камехо была «горячей штучкой», как она любила сама себя называть в моменты близости с Аркадием. К тому же она была еще и отличной операционной сестрой, без которой, как казалось теперь Стрешневу, ему будет трудно оперировать. Хуанита всегда понимала его с полуслова, одного-единственного жеста. Теперь нужно подыскивать среди среднего медицинского персонала другую хирургическую сестру. Но кого бы ни прислали, все равно нового человека придется долго обучать, притираться к нему, «бросать в голову скальпель», как часто повторял профессор общей хирургии в их академии полковник Трофимов. Что же будет дальше? Кого пришлют?..

А гибель лучшего друга Игоря Потемкина? Ведь это именно он, Аркадий, приохотил товарища к подводному плаванию. Сам-то он занимался подводным спортом с четырнадцати лет, регулярно посещая секцию подводников в ленинградском спортклубе «Дельфин». Там он тренировался у Александра Максимовича Турина, который надеялся сделать из вихрастого мальчишки хорошего стайера. И надо сказать, молодой спортсмен-подводник быстро прогрессировал. Уже на второй год занятий он удостоился чести войти в сборную команду города и области и выступать в финале летней Спартакиады народов РСФСР, проходившей в Омске. Там Стрешнев оказался лучшим на дистанции в 1500 метров в плавании в ластах, а эта дисциплина, как знают спортивные специалисты, считается одной из самых трудных, это своеобразный марафон. Аркадий преодолел эту марафонскую дистанцию за четырнадцать минут и десять с половиной секунд. И это в четырнадцать-то лет! Каких же высоких результатов смог бы добиться Стрешнев в дальнейшем, если бы не трагическая случайность, перечеркнувшая все надежды молодого парня на блестящую карьеру в спорте. Это была самая банальная автомобильная авария, когда в «Жигули», в которых на пассажирском месте находился Аркадий, врезался грузовик. Хирурги спасли жизнь Стрешнева, но о профессиональном спорте он мог забыть раз и навсегда...

Александр Максимович Турин – тренер Стрешнева – отличался глубокими познаниями в области Священного Писания и часто использовал их в своей воспитательной работе со спортс-

менами. Узнав, что врачи предупредили Аркадия о невозможности его возвращения в большой спорт после автокатастрофы и что тот пустился во все тяжкие, нарушая режим, Турин приехал к нему домой и рассказал о святом пророке Науме, жившем во второй половине царствования иудейского царя Езекии в 745—714 годах до Рождества Христова. «Знаешь, чем знаменит пророк Наум? – спросил он у подвыпившего любимца. – Да тем, что выдал предсказание о падении и гибели хорошо укрепленного города Ниневии – главного города Ассирийского царства. Таким образом, Наум повторил грозное пророчество, которое уже было изречено ранее пророком Ионою. Его исполнение не было отменено, а только отсрочено. Чтоб ты знал, ниневитяне, покаявшись на малое время после проповеди пророка Ионы и, видя, что его пророчество не сбылось, снова обратились к прежним своим злым делам, стали, как и ты, пить, курить, ругаться нехорошими словами. Я уж не говорю про продажную любовь! Этим горожане Ниневии снова оскорбили и прогневили Бога, который и так долго терпел их выходки. Знаешь, чем дело кончилось? Тем, что Ниневия погибла от воды и огня, как и предсказал Наум. Город три года держал оборону против войск царя мидийского и царя вавилонского, но в шестисотом году до Рождества Христова пал из-за разлива реки Тигр, подмывшей городские стены, чем поспешили воспользоваться враги. Они вошли в город и разрушили его до основания. Правил Ниневией тогда, чтоб ты знал, царь Сарданапал, который, отчаявшись и боясь плена, повелел сложить в самом дворце большой костер, собрал туда все свои сокровища и сжег себя вместе со всеми наложницами. Уловил смысл?..» Понял тренера Аркадий только на следующее утро, когда протрезвел. Может, не совсем понял, но в общих чертах все уловил. Поразмывляв над рассказом Турина, он пришел к выводу, что Бога гневить нельзя. Надо жить достойно. И пускай из него не выйдет хорошего спортсмена, зато может получиться неплохой военный врач. Тогда же он решил поступать в Военно-медицинскую академию имени Кирова.

Воспоминания исчезли как-то сразу, мгновенно, когда на колонну спикировали два «Миража F-1AZ» ВВС ЮАР, возвращавшиеся после очередной бомбардировки моста в районе Куиту-Куанавале. И хотя боезапас у них, видимо, был на исходе, самолеты не отказали себе в удовольствии пройтись на бреющем полете вдоль колонны, расстреливая из пушек и пулеметов машины с хорошо различимыми красными крестами на крышах...

Потеряв две санитарные машины и один БТР сопровождения, госпитальная колонна достигла места назначения в указанные сроки, после чего весь медицинский и обслуживающий персонал приступил к развертыванию палаток и оборудованию госпиталя на новом месте – под прикрытием высоченных пальм на берегу реки.

А совсем рядом, в двух-трех километрах от нового лагеря военных медиков, располагался тот самый «чертов мост», над которым в настоящий момент кружили самолеты ВВС ЮАР, сбрасывая на него следующую порцию авиабомб. Но вот один из «Миражей» в небе задымил, резко пошел на снижение и взорвался прямо над госпиталем, превратившись в большой огненный шар. Несмотря на то что обломки сбитого самолета упали вблизи медицинских палаток, все, кто там находился, и раненые и здоровые, радовались так, будто уничтожили этот вражеский самолет собственноручно.

Поздним вечером в жилую двухместную палатку Стрешнева наведалься подполковник Санчес-Романтеев, тот самый Федор Аверьянович – «советник по разведке и контрразведке», которого Аркадий считал «добрым хитрованом, рядящимся в шкуру простецкого парня». За плечами у контрразведчика был потертый от времени вещмешок, в котором что-то аппетитно позванивало и булькало.

– Ты, того-самого, – прохрипел малорослый мужчина, который все время еще и сутулился, будто хотел всегда оставаться незаметным, снимая с плеч мешок, – на стол накрой. Требуется твоя... нет, ваша, медицинская консультация. Как говорится, боль врача ищет.

– Сначала дело, а потом посиделки, – веско ответил Аркадий, вставая с походной койки, на которой лежал поверх одеяла до визита Романтеева. Приход контрразведчика его не слишком обрадовал.

– А где майор Винсан? – кивнув на соседнюю раскладушку, поинтересовался Федор Аверьянович.

– На дежурстве в приемном отделении.

– Да, там не соскучишься, – сочувственно покивал головой подполковник, начиная снимать с себя верхнее обмундирование и продолжая путаться в обращении к хирургу на «ты» или на «вы». – Вы, того самого... обрати внимание на эту дрянь у меня на спине. Нашел? Под правой лопаткой...

– Воспаленная атерома, – сразу выдал свой диагноз хирург. – Надо оперировать!

– Надо-то надо... Того-самого! Да только мне ее уже дважды оперировали в нашей спецполиклиннике в Москве. Ну и что? Хватает максимум на два-три месяца, а потом все по новой. Понимаешь, выделяется из нее какой-то червяк...

– Вы скажете тоже, «червяк», – усмехнулся Стрешнев. – Просто нарушается под кожей жировой обмен, протоки потовых желез забиваются и секрет капсулируется, а когда его переизбыток, начинает разлагаться и нарывать, то...

– Точно! Так распирает, что хоть волком вой. Пока кто-нибудь не вскрыет и не отсосет... В смысле, не выдавит «червяка», просто места себе не нахожу. Сам-то я туда дотянуться никак не могу! Руки, понимаешь, коротковаты. Жена помогает, когда рядом. А когда жены нет, то...

– Понятно. Неуспех предыдущих оперативных вмешательств обусловлен тем, что плохо вычистили проблемный участок. Тут нельзя оставлять даже споры этого жировика...

– И ты того-самого... вы абсолютно правы! – перебил врача контрразведчик. – Но самое интересное, что эта гадость началась у меня еще во время службы в Туркмении. Там же жара хуже, чем здесь. Опять же питьевой режим. Вот в чем загвоздка! Хотя здесь, в Африке, еще хуже...

– Надо оперировать! – подвел итог капитан медицинской службы.

– Как только, так сразу, – согласился Романтеев, надевая обмундирование. – Только вот, того-самого, разгребу ворох своих дел и сразу к вам на операционный стол. За этим дело не станет.

– Что будем пить? – взял быка за рога Аркадий. – Чай, кофе, медицинский спирт?

– Нет. У меня тут все с собой. Хорошая водка и закуска прямо из Москвы от Елисеева. Кстати, вы знакомы, того-самого, с Елисеевым?

– Не имел чести, – пожал плечами Стрешнев, расставляя на прикроватной тумбочке оловянные кружки и другую посуду. Потом, подержав в руках бутылку водки, восхищенно поцкал языком: – О! «Столичная»! Это штука знатная.

– Ну да, ты же у нас будешь уроженец Ленинградской области. А Елисеев – штучка московская. Был такой купец в Москве еще той, дореволюционной. Стало быть, он-то в самом центре столицы и организовал большой хороший магазин. Его до сих пор москвичи называют «Елисеевским».

– Да, я что-то об этом слышал.

– Наливай по первой! – как старший по званию приказал подполковник. – А закусим балычком на черном хлебушке... Дефицит, между прочим, даже для Москвы.

– В Ленинграде черный хлеб называют просто хлебом, а белый – булкой... – заметил Аркадий.

– Эх, мать его, как приятно вспомнить про Родину, когда от нее далеко-далече, – вздохнул Романтеев и поднес кружку с водкой ко рту.

Они выпили по первой, закусили.

Стрешнев посидел немного с закрытыми глазами, вспоминая подзабытый вкус русской водки, – ведь последнее время пить в основном доводилось только ром да джин, не считая, конечно, неразбавленный медицинский спирт.

«Хорошо сидим, – подумалось ему. – Прямо как с Игорьком в курсантском общежитии. Добрые старые времена в академии! Но нет, брат, шалишь! – настраиваясь на критический лад, сказал себе Аркадий. – Не только из-за атеромы приперся ко мне этот Романтеев. Что-то ему от меня еще нужно. Вот только что именно?»

– Ну что, того-самого, после первой и второй перерывчик небольшой? – улыбнулся подполковник, беря в руку бутылку и теперь самостоятельно разливая ее содержимое по кружкам. Однако сразу пить не стал. Захотел что-то рассказать собутыльнику. – Видал, как бомбят мост? Того-самого, есть сведения, что в Претории порешили закупить у америкосов новейшие бомбы, которые те, в свою очередь, приобрели во Франции. Называются эти бомбы «Дю-рандаль», – по слогам произнес Федор Аверьянович. – Тьфу на них! Язык сломаешь. Они куда эффективнее обычных фугасных бомб и предназначены для приведения в негодность взлетных полос на военных аэродромах. Одна такая двухсоткилограммовая зараза спокойно пробивает бетонное покрытие и взрывается на глубине, образуя большую воронку и вздыбливая поверхность земли на довольно большом расстоянии. Так вот, в Претории хотят с помощью такой дуры взорвать наш мост. Там старинные каменные опоры, быки, возведенные еще португальцами, и никто из инженеров до сих пор толком понять не может, чем там каменюки эти скреплялись, каким таким раствором. Секрет, видишь ты, утрачен. Но раствор тот стойкий, доложу я тебе, и обычной взрывчаткой его хрен возьмешь. Ну, вздрогнули!

Выпили по второй.

– Жарко здесь до чертиков! – наливая по третьей, пожаловался подполковник. – Ты сам-то как эту хренову жару переносишь?

– Как в танке, – зачем-то брякнул Аркадий, решив, что и ему пора рассказать что-нибудь в свою очередь. – Вы что-нибудь слышали про «холодных людей», которые подобную жару вообще на дух не переносят? Мне в свое время пришлось заниматься одним таким человеком на Байконуре. Я служил там в госпитале ракетных войск стратегического назначения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.